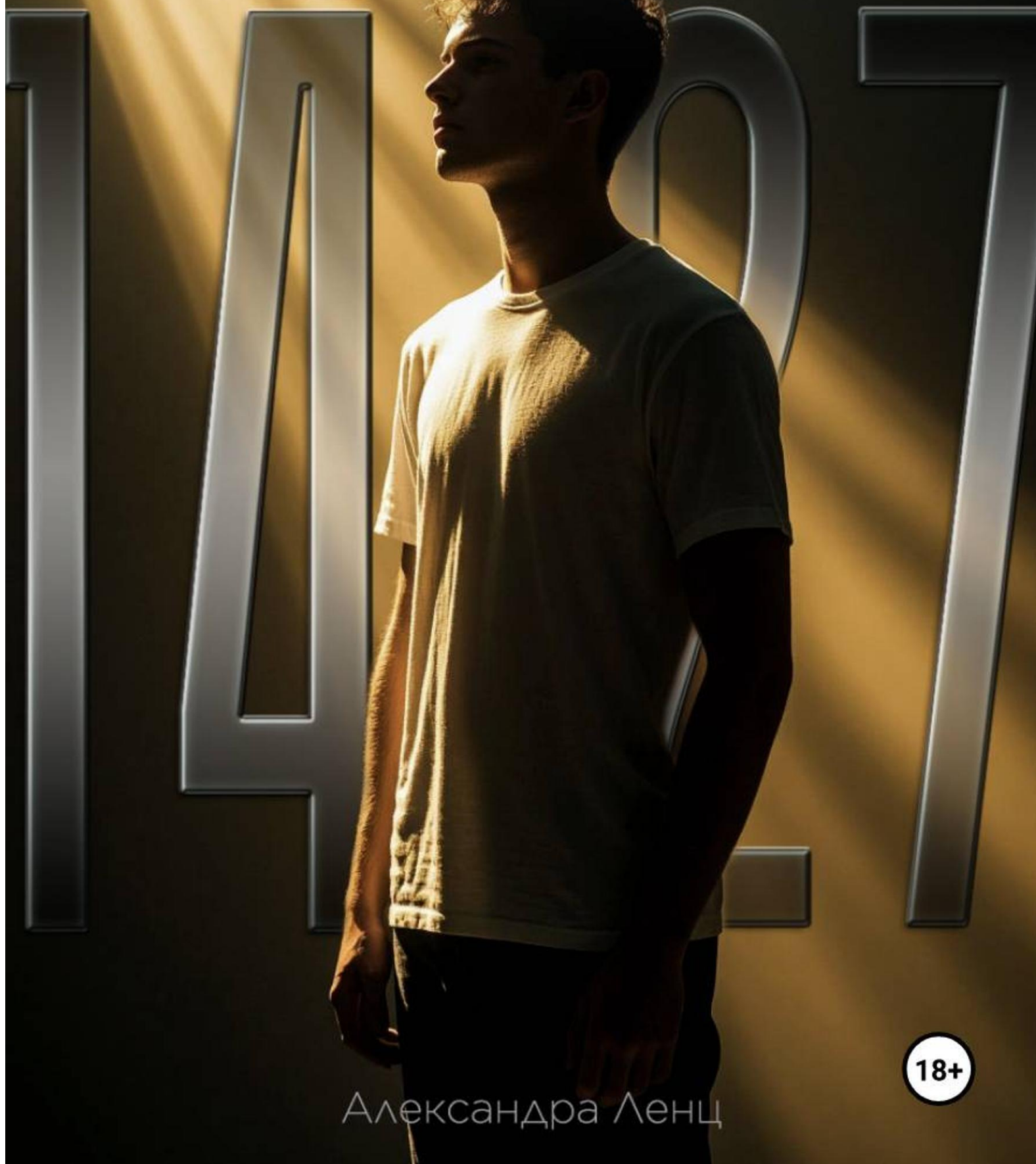

Я ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

Александра Ленц

18+

Александра Ленц
Я заключённый 1427

«Автор»

2026

Ленц А.

Я заключённый 1427 / А. Ленц — «Автор», 2026

Он не мучитель. Он просто выполняет правила. И сегодня в камере напротив него — новый испуганный парень. Тот, кто скоро тоже забудет прежнего себя. Ваше восприятие — ваш компас. Решайте сами, что перед вами: антиутопия или всё-таки утопия. Если почувствуете, что вам здесь комфортно, задумайтесь: почему? P.S. Чтобы сделать вывод, нужно сначала дойти до конца.

© Ленц А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пробуждение	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александра Ленц

Я заключённый 1427

Пролог

6:03

Свет в спальне нарастает мягко, как рассвет в ясный день. Я открываю глаза и на мгновение замираю, созерцая за большим панорамным окном аккуратные ряды современных модульных домов и зелёные аллеи. Гдето вдалеке роботы-уборщики приводят в порядок пешеходные дорожки, с парковки уже отъезжают первые автомобили, а на балконе соседнего модуля кто-то пьёт кофе, глядя на город.

Мой имплант фиксирует утренние показатели: фактическое время сна 7 часов 17 минут; оценка качества сна 8,3; пульс в норме, уровень кортизола в зелёной зоне. На запястье загорается экран умных часов:

«Доброе утро, Элей. Сегодня отличный день. Ваш уровень энергии: выше среднего. Завтрак готов». После появляется запрос: «Хотите получить подробный отчёт оценки качества сна?»

— Сегодня обойдусь, — бормочу я и встаю.

Разминаю плечи, подхожу к окну, ловлю тёплые лучи кожей. В D-3, где я жил раньше, окна выходили на промзону, и вид не радовал: старые склады, ржавые контейнеры, вечно дымящие трубы. Там казалось, что город застыл в вечном вчерашнем дне. Но я всё равно вспоминаю свою первую квартиру с теплотой. Я сам её обставлял, сам клеил обои. Здесь пока мало «моего», но ремонт свежий, и менять ничего не хочется. Мне всё нравится. Особенно нравится, что в голове нет ни тревожных мыслей, ни спешки.

Вспоминаю, что психолог просил фиксировать в дневнике своё настроение трижды в день, — нахожу в часах раздел «дневник» и поднимаю шкалу до «8».

6:15

На кухне меня ждёт завтрак. Всё так же, как в D-3, но, тем не менее, иначе. Продукты качественнее, доставка ни разу не опоздала, даже сервировка кажется более эстетичной. Странно, что отличия настолько заметны. Я знаю, что везде это работает одинаково: вечером отмечаешь в приложении «меню на утро» и «меню на ужин», если остаёшься дома, то и «на обед», система автоматически заказывает свежие продукты в локальный хаб, дальше происходит адресное распределение. Но в D-3 эта простая схема почему-то постоянно сбоила.

Кухонный модуль уже разогрел яичницу с помидорами, поджарил тосты, сварил кофе. Ароматы наполняют комнату, резче других чувствую густой запах кофе с нотками корицы.

Я сажусь за стол. На экране встроенного планшета появляется подсказка:

«Добавить банан? Он есть в вашем списке предпочтений».

— Можно, — отвечаю я вслух.

Всего через минуту выдвижной лоток кухонного модуля открывает дверцу — внутри нарезанный банан, аккуратно уложенный на маленькой тарелке. Просто и удобно: никаких походов в магазин, никаких грязных сковородок.

6:30

Подхожу к шкафу. На экране умного зеркала появляется список рекомендованных вариантов на сегодняшний день:

1. Комфортный стиль: джинсы + футболка + лёгкий кардиган;
2. Формальный вариант, если планируется встреча: брюки + рубашка;
3. Если есть желание пойти на пробежку: спортивный костюм.

Выбираю первый вариант. Мне всегда нравилась эта функция: не надо ломать голову каждое утро, система учитывает погоду, мои планы и даже настроение — вчера я отметил, что хочу «расслабленный день».

Одеваюсь. Джинсы удобные, футболка из мягкого хлопка, кардиган не слишком тёплый, но и не тонкий. Смотрю в зеркало, улыбаюсь сам себе. Система комментирует: «Отлично выглядите!». Не отвечаю, просто киваю. Мне нравится, что она не лезет в голову с лишними советами. Только помощь. Только факты.

Выхожу на балкон. Отсюда парк с обновлёнными дорожками, новыми скамейками и аккуратными клумбами виден во всей красе. По утрам тут гуляют пенсионеры с собаками, днём — мамы с колясками, вечером — романтичные парочки. В D3, недалеко от моего дома, тоже был парк, но он выглядел усталым. Деревья росли криво, как точно пытались сбежать, скамейки местами надломаны, дорожки — в трещинах. Там тоже жили такие же люди, и многие из них были добрыми и порядочными, но... Всё вокруг будто сопротивлялось порядку.

7:00

Улица чистая, в воздухе висит лёгкий аромат цветущих кустов шиповника у обочины. Я иду неторопливо, наслаждаясь утренней прохладой. Здания вокруг современные, с аккуратными фасадами из светлого камня, с большими окнами в алюминиевых рамах. Всё выглядит таким цельным и продуманным. Линии домов выстроены так, что взгляд сам тянется вдаль, к парку на горизонте. Здесь нет диссонанса, нет «лишних» деталей — только порядок.

Подхожу к остановке. Автобус подъезжает точно по расписанию — экран у двери показывает фактическое время прибытия: «07:07:03». Двери открываются бесшумно. Внутри — мягкий свет, чистые сиденья, с десятков пассажиров. Большинство уткнулись в планшеты, кто-то слушает музыку в наушниках. Я занимаю место у прохода, и тут мой взгляд цепляется за одного пассажира — мужчину лет пятидесяти, сидящего у окна. Он выглядит... не так. В руках — старая, потрёпанная книга с выцветшим переплётом. Страницы пожелтели, на обложке — едва различимый узор, будто из другого времени. Мужчина читает, не замечая ничего вокруг, а я смотрю на него и не могу оторвать взгляда. Он кажется случайным элементом в этом чистом, упорядоченном мире. Он не враждебный, не агрессивный — ничего такого, просто другой. И от этой «инаковости» возникает едва уловимое напряжение. Не потому, что он делает что-то плохое или неправильное, а потому, что его присутствие напоминает: мир не всегда был таким, какой сейчас, но даже сейчас ещё есть места, где люди предпочитают бумагу экранам, где книги не скачивают, а держат в руках, где ритм жизни не синхронизирован с цифровыми подсказками.

«Именно такие, как он, вносят дестабилизирующий разлад», — думаю я. Не осознанно, не злонамеренно — просто потому, что их способ существования не вписывается в чёткие алгоритмы системы. Они не ломают правила, но и не следуют им до конца. Они сомневаются, не доверяют, и оттого система не может развернуться на полную. В D3, где таких «сопротивляющихся» было множество. Там каждый второй дом хранил следы иного уклада. Там она буксовала, спотыкалась о человеческую непокорность, о привычку жить не по шаблону. Здесь, в В3, в этом безупречном мире, таких точек сопротивления значительно меньше — но они есть. И, возможно, именно они не дают системе превратиться в абсолюте.

Жителям D3 не помешало бы посетить другие сектора, где систему приняли и позволили работать на людей, и своими глазами увидеть, как может быть. Я оглядываюсь вокруг: умные дома, цифровые ассистенты, автоматизированные сервисы, каждый человек при деле — всё работает на интеграцию. Даже воздух кажется чище, потому что система контролирует выбросы, уровень пыли, влажность. Люди здесь привыкли доверять алгоритмам — они видят, как быстро решаются проблемы, как город становится удобнее.

Автобус плавно тормозит у моей остановки. Я выхожу, бросаю последний взгляд на мужчину с книгой. Он всё ещё увлечённо читает — не проехал бы свою остановку...

«Может, он и прав», — мелькает мысль. Может, где-то в этих потрёпанных страницах есть то, чего не хватает системе.

Но тут же отгоняю эту мысль. Нет. Никакая ностальгическая блажь не должна спорить с рациональностью.

8:00

Мой офис — переделанный заводской ангар — внутри много света и воздуха. Моё рабочее место — стол с двумя мониторами, планшет. Я — аналитик данных в муниципальном центре социомониторинга, и моя задача — не просто собирать цифры, а видеть за ними город. Например, отслеживать загруженность дорог в реальном времени — на перекрёстках есть специальные датчики, также собираем данные с трекеров. Анализировать уровень шума в жилых зонах — микрофоны с шумоподавлением фиксируют превышения. Контролировать потребление энергии по районам, чтобы выявлять «аномалии» — например, перегрев сетей. Мониторить качество воздуха, собирать обратную связь от жителей через приложение «Городской голос».

Случай из практики: на прошлой неделе в тринадцатом микрорайоне установили новые светофоры с голосовым оповещением. Они сообщают слабовидящим, пожилым и малолетним пешеходам, когда горит зелёный сигнал, а велосипедистам напоминают, что нужно спешиваться перед переходом. Идея была хорошей: повысить безопасность. Но через три дня посыпались жалобы. Жители ближайших домов сообщали, что голоса светофоров мешают спать. Система собрала данные, проанализировала, и уже на следующий день громкость снизили на 30%. А ещё через день добавили опцию «ночной режим» — голосовые оповещения отключаются с 23:00 до 6:00.

«Вот это и есть разница», — думаю я. В D3 такая проблема могла бы висеть месяцами. Я знаю точно, потому что там работал в таком же муниципальном центре социомониторинга. Анализировал те же данные, отмечал проблемные зоны, предлагал решения. Но там система реагировала медленнее: то не хватало бюджета, то согласования затягивались, то жители протестовали против изменений. Здесь решения внедряются быстрее, а люди чаще соглашаются на улучшения. День на анализ, день на решение.

Сегодня на моём экране снова карта города с цветовыми метками: зелёные зоны — всё в норме; жёлтые — есть небольшие отклонения; красные — срочные вопросы, требующие немедленного вмешательства. Я изучу данные, сделаю выводы, отправлю отчёты. Работа рутинная, но мне нравится: она понятная, полезная, без лишних сюрпризов. Я помогаю системе стать лучше.

12:00

Столовая центра — уютное пространство с мягкими светлосерыми диванами и огромными окнами от пола до потолка, за которыми виден маленький ухоженный сквер. Солнечный свет льётся через стекло, наполняя помещение тёплым, почти домашним светом.

Я беру на раздаче салат с куриной грудкой, лёгкий овощной суп и стакан компота из сушёных яблок. Неспешно несу поднос к столику у окна — тому самому, откуда лучше всего виден сквер. Усаживаюсь, делаю первый глоток супа. Аромат свежей зелени и овощей мгновенно поднимает настроение.

— Элей, можно к тебе? — слышу знакомый голос.

Поднимаю глаза, рядом стоит Мира, моя коллега из отдела аналитики. На ней сегодня светло-бежевый джемпер, который отлично сочетается с её каштановыми волосами, собранными в небрежный хвост. В руках — поднос с овощным рагу и травяным чаем.

— Конечно, — улыбаюсь я, подвигая стул. — Присаживайся.

Она садится напротив, аккуратно ставит поднос. Между нами на столе небольшая ваза с живыми цветами, которые меняют каждый день.

— Как утро? — спрашивает Мира, раскладывая салфетку на коленях.

— Нормально, — отвечаю я, не скрывая улыбки. — А ты как?

— Тоже неплохо. Хотя... — она чуть хмурится, помешивая чай ложкой. — В девятом микрорайоне странные скачки потребления энергии. Ты ещё не смотрел данные?

— Ещё нет, — признаюсь я. — Сейчас гляну.

Достаю планшет, открываю нужный файл. Мира делает то же самое. Через пару минут мы обмениваемся заметками, выделяем аномальные точки, набрасываем гипотезы. Всё происходит легко, без напряжения — мы уже научились понимать друг друга без лишних слов.

Мира замечает, что я снова смотрю в окно.

— Нравится вид? — мягко спрашивает она, чуть наклоняя голову.

— Очень, — отвечаю искренне. — Здесь всё... упорядоченное. Как будто каждый элемент на своём месте.

— Это ВЗ, — кивает она.

На мгновение повисает пауза. Я чувствую, что Мира хочет что-то сказать, но колеблется. Её пальцы постукивают по краю стола.

— Ты ведь раньше жил в ДЗ? — осторожно спрашивает она.

Я киваю.

— Да. Там всё было... иначе.

Мира опускает взгляд.

— Понимаю. У меня там двоюродная сестра живёт. Говорит, что люди боятся имплантов, считают их «метками контроля». А ещё... — Она делает паузу, словно решаясь. — Мой брат сейчас там работает. Временный контракт. И он... уже дважды пропустил психопрофилактический сеанс.

Её голос звучит тревожно. Я вижу, как она сжимает край салфетки.

— Почему? — спрашиваю я мягко.

— Говорит, что «не видит смысла». Что система «слишком вмешивается». Я пыталась объяснить, что это просто забота, что сеансы полезны, они помогают, но он не слушает.

Я молчу, подбирая слова. Мира поднимает глаза — в них читается беспокойство, почти страх.

— Я переживаю за него, — шепчет она. — Вдруг он... начнёт сомневаться во всём?

Мне хочется сказать что-то утешительное, но я не нахожу нужных фраз. Вместо этого просто кладу ладонь на её руку. Она не отстраняется.

— Система заботится о нас, — говорю я тихо. — Возможно, он просто не привык к новому месту. Нужно время.

Мира слабо улыбается.

— Надеюсь.

Мы замолкаем. В столовой тихо играет лёгкая музыка, кто-то смеётся за соседним столиком. Я снова смотрю в окно — на зелёные деревья, на людей, прогуливающихся по скверу. «Здесь всё на своих местах, — думаю я. — И мы тоже».

14:30

Возвращаюсь к работе. На планшете — графики, таблицы, потоки данных. Я погружаюсь в анализ, отмечаю аномалии, отправляю предварительные выводы в общий чат. Время течёт незаметно.

Вдруг экран мягко светится — пришло уведомление: «Элей, вам рекомендовано посещение психопрофилактического сеанса. Время: 16:00. Кабинет 12. Подтвердить?»

Я замираю на мгновение. Мира, сидящая через два стола, замечает моё движение и вопросительно поднимает бровь.

— Что там? — спрашивает она.

— Предлагают сеанс, — отвечаю я.

— Пойдёшь?

— Конечно, — киваю и одновременно подтверждаю согласие ответным уведомлением. — Полезно иногда привести мысли в порядок.

Мысль о сеансе не отпускает. Сегодня мне действительно хочется побыть наедине с психологом. Что-то внутри просит выговориться — не о проблемах, не о тревогах, а просто... поделиться.

16:00

Кабинет 12 — светлая комната с удобными креслами пастельно-бежевого цвета и большим окном, за которым виднеется верхушка старого клёна. Воздух наполнен едва уловимым ароматом лаванды. На столике у кресла — чашка травяного чая и блокнот с ручкой. Психолог, мужчина средних лет с внимательным взглядом и выверенными, как отрепетированными движениями, жестом приглашает меня сесть.

— Добрый день, Элей. Как вы себя чувствуете сегодня? Есть что-то, что беспокоит? — его голос звучит ровно, терапевтически — так умеют говорить только врачи.

— В целом всё в норме, — начинаю я, устраиваясь в кресле. — Но мне бы хотелось навести порядок в мыслях. Иногда они словно разбегаются, и я не могу сосредоточиться на главном.

Он кивает, не перебивая.

— Я недавно переехал из D3 сюда, в сектор В-3. Мне здесь нравится, правда. Я очень доволен: всё упорядоченное, люди спокойные, система работает. Но иногда я ловлю себя на мысли, что слишком часто вспоминаю свой старый сектор.

— Это естественная реакция, — отвечает психолог без паузы. — Переезд — всегда стресс, даже если новое место объективно лучше. Ваше подсознание ещё адаптируется к новым условиям. Давайте разберём ваши переживания.

Я вздыхаю с облегчением — мне действительно нужно структурировать мысли.

— Ну вот, например... — я запинаюсь, подбирая слова. — Сегодня в автобусе я видел мужчину. Он читал настоящую книгу. Бумажную. И я... я смотрел на него и... не понял своих чувств.

Психолог чуть наклоняет голову. В его глазах интерес, но не человеческий, а скорее аналитический.

— Что именно вас смутило?

— Не знаю. Сначала показалось, что это... неправильно, что он как бы выбивается, а потом, всего на мгновение, что он единственный, кто живёт по-настоящему.

— Интересная двойственность, — отмечает он, делая пометку в блокноте. — Вы привыкли к цифровой среде, но столкнулись с артефактом прошлого. Как вы думаете, почему это вызвало такую реакцию?

Я задумываюсь.

— Может, потому, что это напомнило мне о другом мире? Где всё не так отлажено. Где люди сами ищут ответы, а не получают их из системы. Но ведь это же... неэффективно?

— Эффективность — понятие относительное, — произносит психолог нейтрально. — Важно, как вы интегрируете подобные наблюдения в свою картину мира. Не допускаете ли вы мысли, что такая «неэффективность» может быть ценной?

Его вопрос звучит безобидно, но я чувствую в нём ловушку.

— Нет, — отвечаю я твёрдо, но ладони отчего-то покрываются испариной. — Система давно доказала свою состоятельность. Она заботится о нас. А те, кто выбирает прошлое... — я замолкаю, подбирая формулировку. — Они просто не успели адаптироваться.

Психолог кивает. Его лицо остаётся бесстрастным, но я замечаю, как он делает ещё одну пометку.

— Давайте вернёмся к вашим ощущениям. Вы упомянули о беспорядке в мыслях. Попробуйте ответить на три вопроса: что именно вас пугает в новой среде? Какие плюсы вы видите в ВЗ, которых не было в ДЗ? Как вы можете укрепить своё чувство безопасности?

Мы обсуждаем каждый пункт. Я рассказываю о страхе, что «идеальность» ВЗ — лишь фасад; о том, как меня радует чистота улиц, тишина в транспорте, отзывчивость коллег; о желании чаще гулять в парке, чтобы привыкнуть к новому месту.

Он слушает, не комментируя, в конце подводит итог:

— Вы демонстрируете здоровое критическое мышление. Это признак зрелой адаптации. Помните: сомнения — не угроза, а инструмент. Они помогают вам оставаться в балансе.

Он включает тихую музыку — нежную мелодию с повторяющимся мотивом, напоминающим дыхание.

— Закройте глаза. Сосредоточьтесь на вдохе и выдохе. Представьте, что с каждым выдохом вы отпускаете лишнее напряжение.

Я следую его указаниям. Постепенно мысли становятся яснее. Тревога отступает, оставляя место спокойствию.

— Теперь ответьте на последний вопрос: что вы хотите взять из прошлого в своё будущее?

— Ничего, — говорю я уверенно. — Я просто хочу порядка и уверенности, что система не подведёт. Всё остальное — лишь помехи.

— Это разумный подход, — констатирует психолог.

Через несколько минут упражнение заканчивается. Я открываю глаза. В груди — непривычная лёгкость.

— Спасибо, — говорю я искренне. — Мне действительно стало легче.

— Я рад, что смог помочь, — отвечает он. — Помните: вы не одиноки в своих сомнениях. Если почувствуете, что нужно обсудить что-то ещё, приходите. И не забывайте про дневник настроения.

Выхожу из кабинета с ощущением, будто сделал генеральную в комнате и теперь смакую результат.

18:00

Город погружается в мягкие сумерки, и улицы постепенно наполняются тёплым светом фонарей. Их сияние отражается в чистых окнах домов, создавая уютную, почти сказочную атмосферу. На больших информационных экранах транслируется полезная информация: прогноз погоды на завтра — ясно, +22; актуальное расписание транспорта; анонсы городских мероприятий — выставка современного искусства в центральном холле, бесплатный концерт джазового ансамбля в парке.

Я иду пешком. В голове приятная пустота после продуктивного дня. Мысли текут плавно, без тревожных всплесков.

На планшете вспыхивает уведомление:

«Элей, ваш баланс интеграционно-трудовых баллов пополнен: +1500 баллов за выполнение плана недели».

Я не могу сдержать улыбку. 1500 баллов — это значит, что в выходные можно позволить себе что-то особенное. В голове сразу рождается идея: а не позвать ли Миру в кино? Она в последнее время выглядит озабоченной из-за брата, а совместный поход в кинотеатр мог бы её отвлечь, подарить пару часов лёгкости. Представляю, как мы сидим в полумраке зала, смеёмся над шутками в фильме, а потом идём пешком по освещённым улицам, обсуждая сюжет...

Решаю не откладывать: открываю мессенджер и набираю короткое сообщение:

«Мира, привет! У меня тут накопились трудовбаллы, может, сходим в субботу в кино?»

Отправляю и чувствую лёгкое волнение. Но оно приятное — не тревожное, больше похоже на предвкушение.

Через несколько минут планшет мягко вибрирует. Ответ от Миры: «Элей, привет! Звучит замечательно :) С радостью присоединюсь. Спасибо за предложение!»

Сердце делает лёгкий кувырок. *Она согласилась.* В груди разливается тёплое чувство — теперь не только от предвкушения встречи, но и от осознания, что моя идея оказалась удачной.

19:00

Дома первым делом включаю мягкий, рассеянный свет в гостиной, создающий ощущение защищённости. Снимаю обувь, прохожу в ванную. Тёплый душ смывает остатки дневной суеты, оставляя только чистоту и покой.

На кухне уже ждёт ужин: паста с ароматным томатным соусом и свежий салат из огурцов, помидоров и зелени. Система учла мои предпочтения — ничего лишнего, только то, что приносит пользу и удовольствие. Сажусь за стол, включаю на фоне лёгкий сериал. Незамысловатый сюжетец помогает расслабиться, отпустить мысли.

Отмечаю в дневнике настроение: пожалуй, сегодня можно поднять шкалу и до «10». Я не нахожу причин ставить меньше.

После ужина — 15 минут чтения. Сегодня мой выбор — детектив, который я давно хотел дочитать. Беру планшет и погружаюсь в мир загадок и расследований, забывая обо всём на свете. Времени проходит гораздо больше, чем 15 минут. В реальность возвращает сообщение на часах: «*Пора в постель. Соблюдайте режим.*»

22:00

Ложусь в постель. Одеяло — лёгкое и тёплое, подушка идеально поддерживает шею, мышцы моментально расслабляются, погружая меня в приятную истому. Темнота заботливо обволакивает. Звучит последний шёпот ассистента:

— Спокойной ночи, Элей. Завтра будет ещё один хороший день.

Закрываю глаза. Мысли спокойные, никаких тревог. День действительно выдался хорошим.

Система заботится об этом на всех этапах: о том, чтобы я просыпался в комфортной обстановке; чтобы еда была свежей и вкусной; чтобы дорога на работу была безопасной и спокойной; чтобы мои эмоции находили выход в конструктивном русле; даже о том, чтобы я засыпал с чувством защищённости.

В голове медленно формируется мысль — уже не просто с восхищением, а с глубоким, почти благоговейным чувством: как же всё отлажено... Это и есть высшая точка эволюции социального устройства. Это — Рай, воплощённый в реальности.

Вспоминаю рассказы бабушки о жизни «в прежние времена». Она говорила о бесконечной суете, о нехватке ресурсов, о страхе перед будущим. О том, как люди тратили часы на рутинные дела, как переживали из-за мелочей, как не знали, что ждёт завтра. Её слова звучали как легенда о далёком, почти нереальном мире.

А сейчас... Сейчас всё иначе. Система не даёт сбоев. Она работает как безупречный механизм, где каждая деталь на своём месте. Она не просто облегчает жизнь — она делает её полноценной. Она позволяет мне быть собой, расти, мечтать, любить.

Завтра будет ещё один хороший день.

Глава 1. Пробуждение

Резкий окрик клинком ворвался в сон.

— Встать! Руки на метки!

Лер вздрогнул, распахнул глаза, но в первые секунды не понял, где находится. Он приподнялся. В дверях — силуэты в тёмно-серой форме. Лица размыты.

— Я сказал: встать! — голос охранника ударил по нервам, выдёргивая из полузабытья.

Лер поднялся, спина ныла после ночи на жёстких нарах, ноги дрожали, но не от слабости — от страха. Он повернулся к стене. В висках стучало. Он не успел даже осознать, что проснулся, но уже действовал: спина прямая, ладони прижаты к шершавой поверхности на специальных метках, пальцы растопырены.

Позади — шаги, скрип механизмов, глухой стук металла. Лер чуть повернул голову, бросив косой взгляд из-за плеча. Краем глаза успел уловить: один охранник поставил на пол миску с едой, второй зафиксировал нары в вертикальном положении. Теперь сесть можно будет только на пол.

— Смотри вперёд! — гаркнул охранник, резко шагнув ближе. В голосе — лёд и обещание боли, если приказ не будет исполнен.

Лер отвернулся и застыл.

Он затылком ощущал чужое дыхание, каждая мышца была натянута до предела — он ждал удара в любой момент. Руки прижаты к стене, взгляд там же. В случае чего, отреагировать не получится: ни прикрыться, ни сгруппироваться. В висках стучало: «Вот сейчас... сейчас...» Он не видел и не знал, откуда придёт боль, но не сомневался, она придёт. И это ожидание, эта полная беззащитность перед невидимой угрозой выворачивали внутренности. Он едва осмеливался дышать.

— Приём пищи — десять минут, — отчеканил кто-то из охранников. — По истечении времени миска изымается. Нарушение регламента — наказание.

Шаги.

Щелчок замка.

Тишина.

Лер медленно обернулся. В ушах ещё звенели грубые голоса, а в груди засело тяжёлое, неприятное чувство, будто его только что протащили сквозь бурю. Взгляд скользнул по серым стенам, по поднятым нарам и остановился на миске с едой, сиротливо стоящей посреди тесного помещения. Лер опустил на пол и взял её. Еда — вязкая масса, похожая на остывший кисель, такого же серого цвета, как окружающие стены. Лер поднёс ложку к губам, помедлил. Запах нейтральный, почти отсутствующий. Осторожно попробовал. Вкус... вкуса тоже нет. Только текстура — склизкая, тягучая, заставляющая желудок сжиматься в предчувствии рвоты. Но он всё равно заставил себя проглотить первую ложку, зачерпнул вторую и остановился.

В голове вспыхнуло: кухня, запах свежего хлеба, мама у плиты.

Она всегда готовила по утрам. Даже когда Лер уже вырос и обзавёлся привычкой завтракать на работе. «Пока ты живёшь в моём доме — будешь есть свежую, горячую, домашнюю еду», — строго говорила мама, а сама улыбалась. Отец в это время обычно сидел за столом с книгой — какой-нибудь старой, потрёпанной, издававшей виды, часто с загнутыми уголками или отсутствующими страницами. Он любил книги. И передал эту любовь Леру.

В камере книг, конечно же, нет.

Здесь вообще нет ничего случайного.

Стены пастельно-серые, без изъянов, без следов времени, без свидетельств пребывания других людей. Очевидно, они именно такие с определённой целью. Они не дают и пока не

пугают. Не кричат о жестокости. Они даже успокаивают. Пастельные тона, плавные линии, отсутствие острых углов — всё не случайность.

Матовое, словно затянутое туманом, окно за толстыми прутьями — тоже не недосмотр. Через узкий прямоугольник у потолка пробивался бледный свет. Оно разрешало знать: сейчас день. Но оно не позволяло увидеть, что именно происходило по ту сторону. Это — граница, за которой существует мир, но к которому невозможно прикоснуться, и нельзя даже просто увидеть. Ни деревьев, ни неба, ни даже тени пролетающей птицы. Только смена оттенков, очерчивающих смену дня и ночи: вчера, когда его привели, окно было почти чёрным, сегодня — светло-серое.

Не случайность, конечно же, и то, что нары поднимаются и опускаются в определённое время. Это не каприз, не прихоть, не просто «так положено». Это — напоминание: «Ты не можешь устроиться с комфортом. Ты не можешь забыть, где находишься. Ты неудобен системе — поэтому система сделает неудобно тебе».

Лер поднёс ко рту очередную ложку серой массы, проглотил, несмотря на протесты желудка, и сделал паузу, чтобы еда ненароком не полезла обратно.

Кроме того, что приходилось заставлять себя есть, ему приходилось ещё и заставлять свой разум свыкнуться с мыслью: происходящее — не сон, и ничего не закончится, если просто закрыть глаза.

Вчера, когда его впервые завели в эту камеру, он думал, что уже принял реальность как должное, но на деле ещё продолжал цепляться за хрупкую надежду — он лёг на жёсткие нары, натянул тонкое одеяло до подбородка и прошептал самому себе: «Проснусь — и всё исчезнет. Это просто кошмар. Утром будет кухня, запах кофе, мамы шаги...»

Но утро пришло, и ничего не изменилось. Стены те же. Окно — матовое пятно света. Только нары теперь закреплены вертикально.

По-хорошему, глупая надежда должна была умереть ещё тогда, у подъезда, когда он увидел двоих в серо-стальных форменных куртках, с бесстрастными лицами. Они ждали. Знали, когда он возвращается домой.

— ЛерАгеев? Пройдёте с нами.

Он хотел спросить: «За что?», но уже понимал — ответ не имеет значения.

В машине молчали. Лер смотрел в тонированное окно, пытался запомнить улицы — вдруг это последний раз, когда он видит город. Мысли путались и метались, он то пытался предполагать, что его ждёт дальше, то думал о родителях... Представлял, как мама подходит к окну, видит, как его уводят, и... Нет. Лучше не представлять. Лучше верить, что она не видела.

«Центр Коррекции» встретил стерильной тишиной. Белые коридоры, бесшумные двери, лица — как будто бы все одинаковые, все нейтральные. Его провели через несколько постов, где каждый раз сотрудники в серых комбинезонах сверялись с записями на планшете и там же что-то отмечали.

Никто не потрудился ничего объяснить, оставив для него только беспристрастные взгляды и короткие чеканные команды: «вперёд!», «встать!», «глаза поднять!».

Первая остановка — кабинет медосмотра.

Лер снова мысленно оказывается там, под холодным светом ламп, окружённый облаком из невидимой взвеси антисептиков и каких-то медикаментов. Он стоит перед женщиной в белом халате, колпаке и маске, натянутой до глаз. Слева стулья, справа гладкий металлический стол выглядывает из-за ширмы, рядом кресло, похожее на стоматологическое, но с фиксирующими ремнями.

— Раздеться полностью, — говорит женщина в белом халате, не глядя на него. Её пальцы скользят по экрану планшета, она уже заполняет формуляры.

— Зачем? — спрашивает Лер.

Даже в собственных воспоминаниях его голос звучит жалко, тоненько, как у ребёнка.

— Процедура, — получает он короткий ответ. — Выполняйте.

Он медлит. Переминается с ноги на ногу, пытаясь придумать весомый аргумент, который бы остановил «процедуру». Понимает, что таких не существует, и начинает снимать одежду. Каждый предмет — как шаг вниз по лестнице, ведущей в пустоту. Кеды. Рубашка. Штаны. Носки. Нижнее бельё. Всё складывается на стул у стены — аккуратно, будто это до сих пор его вещи...

Звучит команда:

— Повернуться. Руки вдоль тела.

Он подчиняется. Чтобы не утонуть в трясине стыда и страха, пытается сосредоточиться на внешних ощущениях. На холоде пола под босыми ступнями. На холоде воздуха на коже. На холоде взгляда врача...

Она обходит его кругом, что-то отмечает в планшете. Потом достаёт сканер — узкий, блестящий.

— Не двигаться.

Прибор скользит вдоль позвоночника, по плечам, по груди. Лер чувствует лёгкое покалывание, но молчит.

— Это надо удалить, — вдруг говорит врач, указывая на левое плечо. — Нарушение стандартов эстетики.

Она указывает на его татуировку — дерево с корнями, устремлёнными вверх: странный символ, будто вывернутая наизнанку жизнь.

— Почему? — спрашивает он, сам удивляясь, что ещё пытается о чём-то спрашивать. — Это же просто рисунок. Он никому не мешает.

— Не обсуждается, — говорит врач, даже не посмотрев на него. — Можете свести её в добровольном порядке или она будет сведена принудительно.

Лер туго сглатывает, понимая, что «принудительное» будет хуже. Намного хуже.

Сейчас у него уже есть понимание, что выбор без выбора — это ловушка, но тогда казалось, что разумнее просто согласиться. Лер осторожно положил ладонь на повязку на левом плече — под ней ещё немного саднило, как будто кожу пронзали тысячи крохотных гвоздиков. Но это пустяк по сравнению с тем, что было вчера...

«Можете свести её в добровольном порядке, или она будет сведена принудительно», — эхом прозвучал отзвук голоса врача.

И Лер снова оказывается под ослепляющим светом медицинского кабинета.

Он стоит и молча ждёт дальнейших инструкций. Холод кабинета начинает пробираться под кожу — она отвечает мурашками.

— Возьмите накидку с полки, — наконец говорит врач и указывает в дальний угол.

Лер незамедлительно шагает к шкафу с полками, берёт свёрток, расправляет — это безразмерная сорочка. Он торопливо накидывает её — она почти невесома, ткань не греет, но скрывает тело от всепроникающего света и от ледяного взгляда врача. На секунду становится легче. Словно он снова обрёл границу между собой и этим стерильным пространством.

— Ложитесь, — распоряжается врач, махнув на кресло с ремнями.

Лер ложится — дерматиновое покрытие обжигает холодом. Врач затягивает на его запястьях ремни. Возражения застревают в горле — Лер просто покорно ждёт, чувствуя себя букашкой под микроскопом на лабораторном столе.

Врач склоняется над ним, держа в руках аппарат с тонким светящимся жалом.

Боль вспыхивает внезапно: сначала резким, жгучим уколом, потом волной, растекающейся по руке, как расплавленный металл. Он непроизвольно дёргается, но ремни держат крепко. Жжение расплзается по плечу, словно проедаая слои кожи. Лер стискивает зубы, чтобы не закричать.

— Дышите глубже, — равнодушно советует врач, не прерывая процесс ни на секунду. — Так будет легче.

Он пытается. Вдох — боль пронзает плечо. Выдох — она отступает, но лишь на короткий, почти незаметный миг. В ушах стучит кровь, перед глазами пляшут чёрные точки. Кожа под лучом плавится, и он чувствует, как рвутся линии его татуировки — его памяти и его выбора.

«Я не хочу, — звенит детский голос в голове. — Пожалуйста, не надо. Оставьте хотя бы это!»

Время растягивается в бесконечность. Каждая секунда — новый виток мук. Лер закрывает глаза, но это не помогает: он по-прежнему ощущает, как исчезает рисунок, как стирается часть его самого. В горле комок — не то рыдания, не то крик, который так и не вырвался.

Наконец аппарат замолкает. Врач отстраняется. Лер лежит, тяжело дыша, боясь пошевелиться. Рука горит, и всё тело охвачено жаром — холода больше не существует.

— Всё, — констатирует врач, распуская ремни. — Можете встать.

Лер медленно приподнимается. Взгляд падает на плечо: воспалённая рана, контуры татуировки размыты, но ещё видны, как будто она сопротивляется, не хочет исчезать. Лер с горечью и злостью думает о том, кто придумал этот «стандарт эстетики». Кто решил, что безобидный рисунок — это нарушение? Что его тело — не его, а часть общей системы, которую нужно подравнивать, подчищать и приводить к единому образцу?

Врач возвращается и накладывает стерильную повязку, сообщая, что все следы сойдут в течение недели. В этот момент раздаётся стук в дверь, заходит девушка, кладёт на стул у входа ровную стопку чего-то тканевого, видимо, одежды, и, подхватив прежние вещи Лера, бесшумно удаляется.

— Одевайтесь, — говорит врач. — Дальше вас проводят.

Лер подходит к стулу, поднимает верхний предмет из стопки — футболка. Она, как и всё остальное, серая, точно выцветшая до состояния пустоты. Лер разворачивает её, и сердце ухается в пятки, будто сорвавшись с обрыва: на груди слева — машинная вышивка «1427».

Цифры отпечатываются на сетчатке как ожог. Он понимает: *«Это не просто номер. Это — моё новое имя»*.

До сих пор где-то в глубине ещё тлеют сомнения: может, это проверка, может, ошибка, может, сейчас они во всём разберутся и уже завтра его жизнь вернётся на круги своя. Но действительность твёрдо заявляет — никаких «завтра», никаких «обратно».

Руки дрожат, но он заставляет их работать. Снимает невесомую сорочку, надевает штаны, натягивает носки. Обувается. И последнее, — как бы ни противилось сознание, — футболка...

Одежда сидит идеально, словно её изготовили специально для него, заранее сняв мерки. Он проводит ладонью по рельефным цифрам. Они кажутся не просто нашивкой, а чем-то вживлённым, как шрам, как метка, которую не смыть, как приговор, который не подлежит обжалованию, как новая кожа, которую не снять.

Ослепляющий холодный свет смыкается до чёрной точки над запертой дверью камеры, возвращая Лера в настоящее, где в лёгкой алюминиевой миске остывала сероватая, вязкая масса, которая уже начинала покрываться тонкой плёнкой.

Вчера не было началом. Это уже был конец.

Лер глубоко выдохнул и заставил себя проглотить ещё одну ложку. Он не ел со вчерашнего дня, но голода не чувствовал. Приходилось пичкать в себя еду силой, ведь иначе — наказание.

Вязкая масса скользила по горлу, оставляя после себя гадкое ощущение. Лер отложил ложку, отодвинул миску и устался на кашу, которая казалась ему зеркалом его состояния.

В груди разрасталась странная пустота, он опёрся спиной о стену, закрыл глаза, но мрак не уплотнился, а наоборот, распался, выстраивая перед внутренним взором обрывок вчерашнего дня.

«Комната адаптации» — значит табличка на двери, куда заводят Лера.

Он оказывается среди светлых стен пастельных бледно-персиковых тонов, фоном звучит ненавязчивая, почти неразличимая мелодия, ощущается запах травяного чая. Всё будто специально создано, чтобы успокоить, усыпить бдительность. Но на Лере это не работает — его мышцы скованы, нервы напряжены до предела. Он стоит перед столом, с одной стороны которого удобное кресло с высокой спинкой, с другой — железный стул.

Из-за спины появляется человек в серо-голубом костюме, с прозрачным чайничком в руках, наполненным жидкостью медового оттенка. Он обходит стол, садится в кресло, наливает в чашку настой. Пар поднимается в воздух, и аромат трав становится гуще.

Незнакомец ставит чашку перед Лером и говорит мягким, почти участливым голосом:

— Присаживайтесь. Нам нужно обсудить ваш дальнейший маршрут.

Лер остаётся на месте. Молчит. Смотрит на откалиброванную до микрона улыбку человека в серо-голубом костюме, в ней ровно столько теплоты, чтобы не вызвать тревоги, но недостаточно, чтобы показаться искренней. Каждая черта его лица кажется выверенной, всё складывается в безупречную маску доброжелательности, от которой по спине Лера пробегает дрожь.

Человек не торопится настаивать. Спокойно поправляет манжету, а Лер в это время замечает на его груди маленькую серебристую плашку с надписью «оператор». Тот ловит взгляд, но не комментирует, лишь слегка касается плашки кончиками пальцев, будто проверяя, на месте ли она.

Затем оператор неспешно достаёт планшет, проводит пальцем по экрану и, не отрывая взгляда от мерцающей поверхности, произносит:

— У вас, конечно, множество вопросов... — Он поднимает глаза. — Это нормально. Система всегда готова объяснить, чтобы вам было проще принять помощь.

Лер наконец садится. Холод жёсткого стула ощущается даже через одежду.

— Здесь у нас официальный отчёт, — оператор слегка наклоняет планшет, — но я объясню так, чтобы вы поняли суть, а не просто увидели формальные пункты.

Он делает паузу, словно проверяет, слушают ли его. Лер едва заметно кивает.

— Регулярные контакты с лицами вне цифрового контура — семнадцать за три месяца, в среднем один в каждые пять дней. Достаточно, чтобы сформировать альтернативную коммуникационную сеть. Для чего вам это? Дружеские встречи или обмен деструктивной информацией? — ответа он не ждал, продолжив сразу: — Использование аналоговых носителей. Сентиментальность, исследовательский интерес или попытка обойти цифровой аудит? Уклонение от плановых психопрофилактических сеансов — шесть эпизодов подряд, распространение идей ценности нецифрового опыта. Лер, — он смотрит с понижающей проницательностью, — вы — носитель патологических поведенческих паттернов.

— Носитель паттернов?.. — роняет Лер не своим голосом — дрожащим, надломанным.

Оператор чуть наклоняет голову, и на его лице проступает почти отеческая снисходительность. Он говорит медленно, размеренно, словно разъясняет простейшие понятия ребёнку:

— Это значит, Лер, что ваши действия, ваши привычки, ваши решения не случайны. Они складываются в устойчивую модель поведения, которая отклоняется от нормы. Как вирус в организме: сам по себе он не опасен, но может заразить других. Вы не злодей, не бунтарь — вы просто носитель. Но система обязана реагировать, чтобы защитить всех остальных.

— Я не «носитель паттернов». Я просто человек. Со своими мыслями. С правом выбирать, с кем говорить и как записывать воспоминания. Разве нет? — Отчаяние прорывается в голос, но Лер пытается его сдержать. — Да, я общался с друзьями. Да, вёл записи. Но в чём опасность? Кому и чем я навредил?

— Прежде всего, вы вредите самому себе, — с искренним, как кажется, сочувствием говорит оператор, плавно проводит пальцем по экрану планшета и поворачивает его так, чтобы Леру тоже было видно.

На экране десятки пульсирующих графиков и индикаторов.

— Это данные с вашего импланта. Взгляните на общую динамику. За последние четыре месяца мы наблюдаем устойчивое снижение интегрального показателя психоэмоциональной стабильности.

Он приближает фрагмент панели — хаотично скачущие линии окрашиваются в тревожно-оранжевый.

— Видите эту тенденцию? Когнитивная гибкость падает, реактивность растёт. Система фиксирует хроническое напряжение: учащённые микропробуждения ночью, снижение вариабельности сердечного ритма, повышенную активность миндалевидного тела в периоды бодрствования.

Лер пытается сосредоточиться на цифрах, но они сливаются в разноцветную мешанину. Оператор продолжает, ловко перескакивая между графиками:

— Обратите внимание на корреляцию: каждый всплеск автономной нервной активности совпадает с периодами повышенной социальной активности. Прямая связь не обязательна, речь о суммарном эффекте. Накопление микрострессоров ведёт к системному дисбалансу.

Он разворачивает трёхмерную диаграмму, где разноцветные потоки переплетаются в угрожающий клубок с острыми пиками.

— Вот здесь — нарушение циркадных ритмов. Здесь — снижение нейропластичности на пять пунктов. Здесь — рост маркеров хронического воспаления. По абсолютным значениям всё в пределах допустимого, но в совокупности картина тревожная.

Оператор слегка наклоняет планшет, предлагая Леру лично изучить детали.

— Вы могли не замечать этих процессов. Они протекают на уровне биохимии, на уровне неосознанных реакций. Но ваш имплант регистрирует всё: как меняется проводимость кожи при упоминании определённых тем, как колеблется частота дыхания при работе с бумажными носителями, как замедляется реакция при мысли о плановых сеансах.

Он сводит все графики в единую кривую, которая неумолимо склоняется к красной зоне.

— Это не обвинение. Это диагностика. Система не карает — она предупреждает. И предлагает помощь, пока отклонения ещё можно скорректировать. — Оператор откладывает планшет в сторону. — Ваши показатели говорят громче слов, Лер. Они говорят, что вы нуждаетесь в поддержке.

Лер пытается продрасться через поток незнакомых терминов, пытается ухватиться за смысл сказанного, но фразы распадаются на отдельные слова — «когнитивная гибкость», «микрострессоры», «нейропластичность». Они кружатся в голове, не складываясь в цельную картину.

И вдруг ясность: его не информируют, а просто забалтывают. Засыпают цифрами и графиками, чтобы он сам поверил в собственную «неисправность». Чтобы перестал задавать вопросы. Чтобы сдался под натиском этой безупречной, всезнающей логики.

— Я не нуждаюсь в «заботе», — срывается с языка. — Я хочу вернуться домой.

— Понимаю ваше желание, Лер. Вернуться домой — естественная потребность. — Он делает паузу, будто взвешивает каждое слово. — Но представьте, что дом — это не место, а состояние. Состояние покоя, ясности, уверенности в завтрашнем дне. Сейчас вы воспринимаете программу коррекции как препятствие на пути домой. Но на самом деле это — единственный путь к нему.

— Я не собираюсь участвовать в ваших программах, — резко бросает Лер. — То, что вы делаете, незаконно!

— Законно, — спокойно отвечает оператор. — Вы классифицированы как «нуждающийся в углублённой коррекции».

Возникает пауза. Тишина давит. Лер сжимает кулаки, пытаясь найти в себе силы для нового возражения.

— Мы не обвиняем вас, — продолжает оператор доверительным тоном. — Мы видим симптомы состояния, которое может ухудшиться. Система помогает предотвратить проблемы. Курс коррекции — это не арест, не наказание и не карательная мера. Это способ вернуть вам ясность мышления, избавиться от неосознанных источников стресса.

— Значит, по-вашему, я болен? — шепчет он.

— Нет, — всё тем же спокойным голосом отвечает оператор. — Вы просто нуждаетесь в поддержке. Мы поможем вам выстроить более безопасные паттерны поведения, чтобы вы могли жить спокойно, без лишнего напряжения.

Лер молчит. Голова гудит. Он хочет сказать: «Но я и так жил спокойно!» — но понимает, что система уже определила: его «спокойно» — это симптом, требующий исправления.

— Знаете, Лер, — мягко произносит оператор, глядя на нетронутый чай, — иногда человек спит и не понимает, что спит. Он видит сны, верит в их реальность, страдает от кошмаров. Но стоит проснуться, и всё меняется. Вы сейчас как раз на пороге пробуждения. Завтра вы откроете глаза и увидите мир таким, каким он должен быть: ясным, безопасным, предсказуемым. Это и есть настоящая свобода.

Лер открыл глаза и мгновенно переместился из просторного светлого кабинета в тесную камеру с тяжёлой стальной дверью, в которую врезано крохотное наглухо задраенное зарешечённое оконце. Его «свобода» теперь ограничивалась этим пространством, но и здесь для него оставили только гнетущую неопределённость: «что будет дальше?», «когда отпустят?» и «отпустят ли вообще?». Воздух в камере был неподвижным, будто законсервированным, а тишина такой плотной, что, казалось, стоит чуть напрячь слух, и услышишь, как падают пылинки.

Вчера, когда его вели по коридорам, он видел другие камеры — большие, напоминавшие больничные палаты, с рядами кроватей и тумбами, где громоздились личные вещи. Там люди в серой униформе с номерами спокойно лежали на кроватях или сидели на них же с планшетами, общались друг с другом — почти нормальная жизнь. Почему же его заперли в одиночестве? Почему его нары зафиксированы в вертикальном положении? Почему ему оставили только пустоту и безвестность? Неужели его «патологические паттерны» настолько опасны, что система сочла нужным изолировать его от всех?

Система не обязана отчитываться. Это ясно. Но... поставила ли она в известность о том, что происходит, хотя бы его родителей?.. Они ведь тоже попытаются искать ответы. Будут звонить, писать, требовать встречи. Или уже требуют? И что им отвечают?

Эти мысли царапали изнутри, заставляя волноваться. Только бы они не сделали хуже себе...

Лер представил, как мама и папа сидят в их уютной кухоньке, где всегда пахнет кофе и свежей выпечкой, и пытаются осмыслить официальное уведомление: *«Ваш сын включён в программу углублённой коррекции. Срок — неопределённый. Посещения запрещены до завершения этапа первичной интеграции»*. В голове отчётливый образ: мама держит бланк с уведомлением, пальцы у неё дрожат, но она не позволяет себе разрыдаться. Отец молча обнимает её за плечи, но его молчание, как щит: «Преодолеем».

Нет, они не станут кричать, не станут ломиться в двери центра. Они знают, что это бесполезно. Они вообще всегда знали больше, чем он думал. Тот разговор несколько месяцев назад теперь кажется предостережением, а не просто трогательной родительской заботой.

Утро. На столе пышные плюшки. Отец, как всегда, с книгой, мама неспешно варит кофе, а Лер торопится и оттого нетерпеливо пританцовывает, желая побыстрее получить свою порцию.

— Собрался куда-то? — спрашивает мама, замечая его суетливость.

— Еду к Илье. Хочется успеть на восьмичасовой автобус.

— Ты же был у него на прошлой неделе, — говорит отец.

— Ну да, но сегодня у него Аля.

— Ах, ну если Аля... Тогда понятно, — тянет отец с улыбкой, и тут же добавляет: —

Они же оба неучтённые?

— Они просто отказались от имплантов, — поправляет Лер.

— Ну, значит, неучтённые, — подтверждает отец.

— Даже если, что с того?

— Ничего — дело их, конечно, — говорит отец, но в его голосе не то осуждение, не то тревога. — Ты-то, надеюсь, не собираешься избавляться от импланта?

— Пап, ну что за вопросы? — Лер искренне смеётся. — Имплант — это просто инструмент. Не вижу смысла от него отказываться.

— Но твои друзья всё-таки отыскивали в этом некий смысл, — мягко говорит мама.

— Ага, боятся слежки. Но даже если следят, то пожалуйста, мне не жалко. Раз уж им там совсем нечем заняться, так и быть, пусть смотрят за моими брожениями по сектору, — шутит Лер.

Лица родителей едва трогает улыбка.

Лер думал, что понимает правила игры. Думал, что умеет лавировать между строгими границами дозволенного. Думал, что его разумность, его осторожность, его умение не привлекать лишнего внимания защитят его.

Ошибся.

Лер опустил голову, упёрся лбом в колени.

И тут глухой щелчок. Лер вздрогнул, поднял голову: в проёме стояли двое охранников. Их взгляды тут же упали на миску с застывшей серой массой.

Один из них — коренастый, с тяжёлым подбородком — вскинул брови и резко бросил:

— Встать!

Лер встал. Ноги чуть подкосились, но он заставил себя выпрямиться.

— Почему каша в тарелке? — голос охранника резал, как лезвие.

— А где ей ещё быть? — слова сорвались с языка прежде, чем он успел взвесить цену каждого из них.

Воцарилась тишина. Даже молекулы воздуха, казалось, замерли.

Коренастый охранник сделал шаг вперёд — вплотную к Леру. Тот почувствовал запах его униформы: стерильный, химический, какой стоит в больничных коридорах.

— Каша должна быть у тебя в желудке! — заорал охранник, приблизившись настолько, что его лицо оказалось в сантиметрах от лица Лера. — А твой длинный язык — в заднице! Ты понял?

Не дожидаясь ответа, охранник начал чеканить — жёстко, словно вбивая гвозди:

— Подъём — по сигналу. Приём пищи — строго в отведённое время. И полностью, без остатка. Зарядка — ежедневно, по расписанию. Перемещение — по разрешению. Разговоры — исключительно по разрешению. Несоблюдение правил карается!

Лер сжал кулаки. И, будто назло самому себе, с неосмотрительной дерзостью бросил:

— Чем?

Удар последовал мгновенно. Тыльной стороной ладони, наотмашь. Голова дёрнулась в сторону, щека загорелась, словно её ошпарили кипятком.

Охранник отступил на шаг и посмотрел холодно, будто оценивая результат.

— Это — «чем». Ещё вопросы?

Лер промолчал. Охранник прорычал чеканно:

— Правила здесь не обсуждают. Их выполняют.

Его коллега, до этого молча стоявший в дверях, подал голос:

— Дай ему второй шанс. Первый день. Видно, что ещё не въехал, где находится.

Коренастый нахмурился, бросил на Лера взгляд, полный отвращения — даже на насекомых обычно смотрят с большим пиететом:

— Хорошо. Но запомни: второй шанс — последний.

— Подъём, парень! — дважды щёлкнул пальцами другой охранник, словно пытаясь разбудить. — Въезжай быстрее в суть да дело! Пока это ещё возможно.

Он резко указал на тарелку:

— Пять минут. Если останется хоть капля — наказание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.